

*Н.Б.Баранова,
доктор исторических наук,
Пензенский государственный
педагогический университет*

Массовое сознание в системе многофакторного анализа исторического процесса

Без учета такого значимого фактора, как массовое сознание, исследование истории России, современного ее состояния, а также перспектив ее развития невозможно. Отмечу, что массовое сознание является суммой двух слагаемых: во-первых, глубинных архетипов, во-вторых, результатов современных воздействий на него, как сознательных, так и объективных. Таким образом, категория "массовое сознание" является более широкой и динамичной, чем категория "коллективное бессознательное".

Успешность шагов, предпринимаемых властью, зависит от того, насколько она учитывает так называемый горизонт ожидания массы, насколько ее шаги "идут навстречу" массовому сознанию. В качестве иллюстрации приведу два примера.

Первый касается возникновения социалистического реализма. Общеизвестна версия о роли власти в его создании. Тем не менее анализ писем читателей, читательских предпочтений конца 20-х годов свидетельствует о том, что в массовом сознании присутствовали ожидания светлого будущего, положительного героя, т.е. интенция на оптимистическое восприятие действительности. Это было естественной психологической реакцией на катаклизмы первой четверти XX в. Таким образом, социалистический реализм как воплощение моностилистической культуры был результатом встречного движения власти и массового сознания. Конечно же, феномен соцреализма не так прост. Необходимо учитывать и ряд других факторов, например, имманентную логику развития метода авангарда, но, чтобы не уйти в сторону от рассматриваемой проблемы, ограничимся суммированием этих действий власти. Успех внедрения социалистического реализма во многом предопределялся именно тем, что власть в достижении своих целей учла горизонт ожидания массы.

Второй пример также тесно связан с интенцией массового сознания на светлое будущее. По словам русского философа САЛлевицкого, "социализм перенес мечту о золотом веке в будущее, зажегши сердца многих мессианской жаждой строительства этого благого будущего". Советское государство определило социализм как воплощение этого светлого будущего в качестве реальной, достижимой в недалеком времени перспективы. Ради этого люди были готовы перенести еще один период тягот и трудностей. Частично эти ожидания объясняют противоречия 30-х годов, когда наиболее мрачные страницы российской истории (голод, репрессии), соседствовали с оптимистическим восприятием жизни, мажорным настроением, ожиданием светлого будущего и стремлением ускорить его. Даже массовые репрессии официальная пропаганда оправдывала тем, что они были направлены якобы против тех, кто мешал вождю и партии вести страну к социализму. Феномен ориентации на будущее тесно связан с политикой реконструкции исторического прошлого, когда власть создавала выгодную ей модель российской истории. История должна была стать канвой, по которой историкам предлагалось "вышивать" идеологические узоры. Создавался вариант истории, экстраполирующий ожидаемые исторические события на прошлое. В 30-е годы этому способствовало установочное письмо Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма", напечатанное в 1931 г. в журнале "Пролетарская революция". Несколько раньше (осенью 1929 г. — зимой 1930 г.) произошел настоящий погром кадров историков — была арестована группа известных ученых (по делу проходили 115 человек). Во имя официальных идеологов одни исторические фигуры сознательно затушевывались, другие выдвигались на передний план.

Интересно, что в годы перестройки внимание к так называемым белым пятнам в истории стало фактором социальных перемен. Правда, это внимание вызвало к жизни массу непрофессиональных публикаций, необоснованную дегероизацию прошлого. Сегодня, как и во второй половине 30-х годов, мы переживаем период возвращения государственного патриотизма, но по другим причинам. В 1938 г. отмечалось: "...необычайно живой и острый интерес приобретает в широких слоях советского народа история Родины, история государства... Народ, создавший никем и никогда в мире не виданное государство, должен и хочет знать свое прошлое, своих исторических героев"¹. Официальная идеология вернулась в историко-патриотическое русло. Сейчас начинается похожий процесс. Однако причина его заключается в необходимости не просто укрепления государственной власти, но и спасения самого государства.

Есть и еще одна аналогия: речь идет об идее власти над временем, произвольного ускорения его хода. Эта идея характерна для

¹ Искусство и жизнь. 1938. № 2.

тоталитарных государств. Официальная пропаганда объявляла мыслимые и немыслимые планы быстро исполнимыми, не оставляя ни тени сомнения. Например, в журнале "Коммунистический Интернационал" говорилось: "...пусть буржуазия внушает рабочему классу, что нельзя просто перепрыгнуть через эту эпоху, а надо исторически переждать... но бег времени им больше неподвластен"¹. Подразумевалось, что хозяевами "бега времени" могут быть только большевики, а все поставленные ими задачи будут выполнены в кратчайшее время. Практически то же самое произошло в конце 80-х — начале 90-х годов, когда казалось, что все системные изменения управляемы, а временные рубежи преодоления отставания от Запада близки. Между тем еще Н.О.Лосский справедливо предупреждал, что "попытки иных социальных реформаторов одним судорожным прыжком сразу поднять общество на гораздо более высокую ступень развития обыкновенно только разрушают достигнутое ранее скромное добро", парадоксальным образом насаждая социальную архаику.

Используя интенции массового сознания, манипулируя им, коммунистическая власть добивалась своих целей, утверждая такое государство, которое позволяло партии занять центральное место. Таким образом, футуранаправленность — это один из наиболее важных архетипов российского массового сознания.

От утверждения действенности слияния движений власти и массового сознания можно перейти к констатации их взаимовлияния. Последнее проявляется в том, что, во-первых, власть стремится угадать степень доступности тех состояний и интенций массового сознания, которые можно использовать в своих целях; во-вторых, власть сама до некоторой степени является "слепок" массового сознания. Хотя власть, как справедливо говорил профессор Пихоя, представляет собой не только функцию, но и сословную группу, конкретные ее представители являются носителями массового сознания со всеми его особенностями. В-третьих, власть активно воздействует на массовое сознание, пытаясь актуализировать выгодные для нее состояния.

Наибольшей доступностью обладает так называемый образ врага. Отмечу, что частота его актуализации также является наиболее высокой. Власть во все времена и во всех государствах активно использовала этот образ. Из всего набора политических мифов 30-х годов мифологема о враге — наиболее печальна по своим последствиям. Шахтинское дело начало целую череду политических процессов, до предела накаливших атмосферу, в которой привычными стали призывы такого рода: «В советской печати критика — не зубоскальство, не заурядное обывательское хихиканье, а тяжелая, шершавая рука, рука класса, которая, опускаясь на спину врага, добит хребет и ломает лопатки. "Добей его!" — вот

¹ Коммунистический Интернационал. 1935. № 12.

призыв, который звучит во всех речах руководителей советского государства», — так писал заместитель заведующего Агитпропом ЦК ВКП(б), начальник Главлита С.Л.Ингулов в "Красной газете"¹.

Даже семантика слова "гуманизм" изменилась в 30-е годы. Об этом говорил М. Горький на I съезде писателей: быть гуманистом — это значит не только любить свой народ, партию, Сталина, это значит ненавидеть их врагов. На том же съезде А.Сурков в качестве примера гуманизма привел председателя уездной ЧК, который 13 лет проработал в карательных органах, послав на расстрел сотни людей. Далее Сурков говорил о том, что важная черта гуманизма выражена в суровом и прекрасном понятии "ненависть". Эта ненависть стала обязательным атрибутом лояльности. Сострадание и жалость методично искоренялись. Так, в 1937 г. был обвинен в "грубом нарушении революционной законности" секретарь одного из Пензенских райкомов Левин. В объяснительной записке он, в частности, писал: "Я дал в письменном виде указание начальнику РОНКВД об освобождении Скаборчука из-под ареста до разрешения вопроса краевыми органами, поскольку у него только что родился ребенок, и жена, и ребенок были больны... Признаю, как политическую ошибку"².

Одним из признаков принадлежности к врагам было социальное происхождение. Говоря о генетических связях тоталитарного идеологического комплекса с дореволюционными воззрениями, надо вспомнить о том, что и для них был характерен своеобразный "анкетный" принцип, т.е. сословное деление. В 30-х годах особое внимание обращалось на интеллигенцию, которая считалась носителем буржуазных идей и объявлялась то явным, то скрытым врагом. В 90-х годах интеллигенцию тоже обвинят во всех "перестроечных грехах".

Образ врага дихотомичен — он предполагает существование образа героя. Механизм создания героя ярко виден на примере Чапаева. Авторы одноименного фильма, братья Васильевы, вспоминали, что даже в канонической внешности Чапаева воплотились черты, уже укorenившиеся в массовом сознании: усы повторяют образ Макса Линдера, бурка взята из кавказского фольклора, имевшего в 30-е годы конъюнктурные преимущества. Герои должны были заставить читателя, зрителя отождествить себя с ними. Классической моделью для подобной сублимативной самоидентификации был Павел Корчагин.

В годы перестройки произошла дегероизация общества, и это вызвало негативный перекоc в массовом сознании. Сейчас мы наблюдаем первые попытки "вернуть" образ героев в массовое сознание. Очевидно, здесь совпадают стремления власти и ожидания массового сознания. Хотя, безусловно, есть опасность, о которой предупреждал А.Г.Здравомыслов: "...нельзя уходить на уровень обыденного созна-

¹ Красная газета. 1928. 6 мая

² Государственный архив Самарской области. Ф. 1141. Оп. 8. Д. 167. Л. 57.

ния: всякая власть — это плохо, общество — хорошо". Массовое сознание, как, впрочем, и власть, не является носителем истины, и зачастую масса может играть в истории негативную роль.

Не только "враг" и "герой" являются структурными элементами массового сознания. В этой системе присутствует и патернализм, до сих пор заставляющий нас надеяться на заботу государства. Я полностью согласна с М.Г.Делягиным, отнесшим патернализм к экономическим факторам, не позволяющим применять либеральные рецепты реформирования экономики. Патернализм тесно связан с феноменом системоцентризма как основного типа социального мышления на всем протяжении российской истории. Политические системы могли меняться, но система как тип социальных отношений оставалась неизменной. Начав с отрицания государства, большевики воссоздали Империю, вернувшись к традиционной системоцентристской модели. Третьим "измом", связанным с патернализмом и системоцентризмом, является социоцентризм, в рамках которого индивид, личность уходят на второй план, растворяясь в государстве, идеологии, коллективе. Многовековая история общины — один из основных факторов укоренения этой троицы в массовом сознании. С ней тесно связана привычка к сильному, активному государству. Воссоздание такого государства — одна из актуальных задач власти. В массовом сознании также присутствует ожидание возрождения государства. Этим частично объясняется успех "медведей" на выборах в Думу.

Не только не отрицая, но и подчеркивая объективную необходимость сильного государства, назову две тенденции в процессе утверждения в обществе этой идеи. О первой из них говорил в своем докладе А-ВХордон — это сакрализация государства. Для России, с ее системоцентризмом, — это не новое явление. Но в этой сакрализации появились нотки, которые можно интерпретировать в духе формулы "цель оправдывает средства". Эта тенденция (пока неявная) прослеживается в газетных публикациях (например, упомянутая проф. В.П.Даниловым статья в "Независимой газете" "Сталин — наше все"). На мой взгляд, основа такой тенденции — стремление к порядку, поэтому, насколько она воплотится в реальную жизнь, зависит от здравомыслия власти. Внушает надежду утверждение В.В.Путина о диктатуре закона. Даже тема симпозиума, на котором мы собрались, — "Власть, общество, личность", видимо констатирует традиционную для России ситуацию, когда на первом месте стоит власть, а на последнем — личность. Тем более интересна постановка той же проблемы директором ФСБ России Н.Патрушевым, статья которого, опубликованная в декабре 1999 г. в журнале "Политика", называется "Во имя интересов личности, общества и государства" (курсив мой. — *Н.Б.*). Если в рамках тоталитарного государства личность нивелировалась приоритетом классовых ценностей (человек превращался в функцию, общество — в обществен-

ность), то в рамках так называемого рыночного общества достоинство личности зачастую растаптывается нищетой, нестабильностью. Обеспечивать соблюдение прав личности, неприкосновенность ее достоинства должно государство в стабильном обществе.

В данном случае интенции власти совпадают с динамикой знаковых предпочтений массового сознания. Особенно ярко это проявляется в связи со второй чеченской войной — социологические опросы показывают, что поражение в первой войне, террористические акты всколыхнули патриотические настроения в социуме.

Вторая тенденция более опасна. Она связана с упоминавшейся выше футуринаправленностью, вернее, с ее отсутствием. Пока сильное государство декларируется только ради порядка. Более далекие перспективы не обозначаются. Даже на этом симпозиуме, в центре внимания которого стоит вопрос: "Куда идет Россия?", о будущем России практически не говорилось. На пленарном заседании слово "будущее" прозвучало только в докладе Е.Г.Ясина. Отсутствие очерченных планов на будущее, жизнь одним днем не способствуют конструктивности и результативности политики. Решение сиюминутных задач, не объединенных стратегической целью, может вылиться в "броуновское движение" властных структур. Единая концепция перспектив развития России необходима. В этой концепции важно учитывать не только исторический опыт России, стран Запада, особенности современного этапа развития человечества, но и специфику массового сознания. Это позволит не только определить стратегию, но и избрать наиболее эффективные политические методы.